

АДВОКАТ НЕВОЗМОЖНЫХ

Цикл фантастических рассказов

ФЕМИДА-7

РОМАН МИХАЙЛОВ

Роман Михайлов

Адвокат невозможных

«Автор»

2026

Михайлов Р.

Адвокат невозможных / Р. Михайлов — «Автор», 2026

Готово — сборник пересобран с финальной аннотацией (с лунным заводом), 808 знаков, в лимит до тысячи укладывается с запасом. Аннотация в файле теперь такая: Право всегда отстаёт от жизни. Пока юристы спорят о запятых, наука создаёт то, для чего ещё не придумано ни одного закона: ребёнка, выношенного машиной; сознание, пережившее собственное тело; собаку, которая мыслит не хуже человека; завод на Луне, не принадлежащий никому. И каждый раз, когда жизнь обгоняет закон, в этот зазор проваливается чья-то судьба. А следом приходит он — Артём Левин, адвокат, который берётся за дела, от которых отказываются все. Его называют «адвокатом невозможных клиентов», и он не возражает. Эти истории — о том, что делает человека человеком, даже если по бумагам он ещё не человек. О праве, которое медленно, дело за делом, учится называть своими тех, кого вчера считало вещью, зверем или ошибкой. И о старом адвокате, что всю жизнь занят одним: расширяет короткое слово «мы».

© Михайлов Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

АДВОКАТ НЕВОЗМОЖНЫХ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Роман Михайлов

Адвокат невозможных

АДВОКАТ НЕВОЗМОЖНЫХ

— 🍀 —

Кого закон не успел назвать
фантастические истории об адвокате Артёме Левине

От автора

Право всегда отстаёт от жизни. Пока юристы спорят о запятых, наука успевает создать то, для чего ещё не придумано ни одного закона: ребёнка, выношенного машиной; сознание, пережившее собственное тело; собаку, которая мыслит не хуже человека; завод на Луне, не принадлежащий никому.

И каждый раз, когда жизнь обгоняет закон, в этот зазор проваливается чья-то судьба. А следом приходит он — Артём Левин, адвокат, который берётся за дела, от которых отказываются все. Его называют «адвокатом невозможных клиентов», и он не возражает.

Эти истории — о том, что делает человека человеком, даже если по бумагам он ещё не человек. О праве, которое медленно, дело за делом, учится называть своими тех, кого вчера считало вещью, зверем или ошибкой. И о старом адвокате, что всю жизнь занят одним: расширяет короткое слово «мы».

Содержание

Дело первое. **Насцитурус**

— о ребёнке, которого закон не успел признать рождённым

Дело второе. **Наследник самому себе**

— о человеке, что пережил собственную смерть

Дело третье. **Сто баллов**

— о том, кого нельзя судить, но можно понять

Дело четвёртое. **Море Спокойствия**

— о победе, в которой не должно быть проигравших

Дело первое

Насцитурус

о ребёнке, которого закон не успел признать рождённым

Дождь над Питером сегодня прошел по расписанию - Комитет по климату провел его в ночные часы, чтобы не мешал движению, и к утру улицы блестели чисто вымытыми. Артём Левин поднялся к зданию суда по эскалатору-ленте, мимо стены, где городская справочная система узнала его лицо и беззвучно высветила в воздухе: «Левин А. С., зал 7, заседание в 10:00, до начала 12 минут». Он давно привык, что город знает о нём больше, чем он сам успевает вспомнить, и давно перестал этому удивляться. Беспилотные такси выстраивались у подъезда ровной дугой, как рыбы в косяке; над ними, на фасаде Дворца правосудия, медленно поворачивалась голографическая Фемида с весами - единственное, что осталось здесь от прежних веков.

Зал номер семь районного суда не имел окон, и Левин давно перестал из-за этого нервничать. Свет здесь был лучше любого дневного - мягкий, ровный, без теней, словно сама комната не хотела, чтобы кто-то прятал лицо. Стены из тёплого песочного композита поглощали звук так чисто, что собственный голос казался чужим. А там, где в старых судах громоздилось деревянное возвышение с государственным гербом, теперь была только матовая чёрная панель во всю стену и шесть букв под ней: ФЕМИС.С.

Федеральная единая магистратура информационных систем. Судья.

Левин разложил перед собой тонкий планшет, хотя и знал, что бумаги ему не понадобятся - система видела все материалы дела раньше, чем он входил в зал. Он раскладывал их по привычке. Двадцать семь лет практики, из них последние шесть - вот в таких залах, перед чёрной панелью вместо человека в мантии, а руки всё равно сами тянулись к бумаге. Старая школа.

Напротив, за столом ответчика, устраивался Глеб Сотников. Молодой, дорогостоящий адвокат, в костюме оттенка мокрого асфальта, с той гладкой уверенностью, которую дают только выигранные дела и хороший процессор в нагрудном импланте-секретаре. Он коротко кивнул Левину - вежливо и пусто.

- Артём Сергеевич, - сказал Сотников. - Не ожидал, что опека наймёт именно вас. Дело то на полчаса.

- Тогда вы быстро освободитесь, - ответил Левин.

За спиной Сотникова сидела его доверительница - Лидия Карловна Венгер, сестра покойной. Сорок с небольшим, прямая спина, кольца, лицо человека, который уже мысленно расставил мебель в квартирах, ещё ему не принадлежащих. Она не смотрела на Левина. Она смотрела на чёрную панель - как на банкомат, который вот-вот выдаст наличные.

Истца в зале не было. Истцу было шесть недель от роду, и он спал в Доме ребёнка номер четыре, в кроватке с подогревом, не подозревая, что в зале номер семь решается, человек ли он вообще.

- Заседание открыто, - произнесла панель.

Голос ФЕМИДЫ был ни мужским, ни женским - спокойный, средней высоты, с едва уловимой паузой перед каждой фразой, будто система всякий раз заново решала, стоит ли говорить именно так. Разработчики называли это «интонацией взвешенности». Левин про себя звал это вежливостью машины, которой некуда спешить.

- Слушается гражданское дело по иску органа опеки и попечительства, действующего в защиту интересов несовершеннолетнего, обозначенного в материалах как Ребёнок М., к гражданке Венгер Лидии Карловне. Предмет иска: установление происхождения ребенка от умерших Венгер Марии Карловны и Венгера Игоря Дмитриевича и признание за ребенком права собственности в порядке наследования. Истца представляет адвокат Левин. Ответчика - адвокат Сотников. Стороны, подтвердите готовность.

- Готов, - сказал Левин.

- Готов, - сказал Сотников.

- Перед началом, - продолжила ФЕМИДА, - напоминая сторонам принцип работы суда. Я не выношу решение на основании внутреннего убеждения. Я выношу его на основании закона, представленных доказательств и логической непротиворечивости аргументов. Любая сторона вправе запросить раскрытие цепочки рассуждений, приведшей к решению. Любая сторона вправе обжаловать решение в Апелляционной инстанции, где председательствует человек. Права ясны, отводы имеются?

- Права ясны, отводов нет, - отозвались оба.

Над столами развернулись полупрозрачные панели - личные интерфейсы. На них мерцали статьи кодексов, подсвеченные системой как «релевантные». Левин заметил, что ФЕМИДА уже вывела перед ним пункт 1 статьи 48 Семейного кодекса. Она знала, на чем будет стоять защита ребенка. Она знала и на чем будет стоять Сотников. Она просто ждала, кто как это повернет.

- Слово стороне ответчика для изложения позиции, - сказала панель. - Поскольку именно ответчик оспаривает само наличие у истца наследственных прав.

Сотников поднялся. Он не суетился, не перебирал бумаг - он говорил так, будто читал заранее одобренный приговор.

- Уважаемый суд. Дело это кажется сложным только из-за своей новизны. По существу же оно простое, и я прошу не позволить новизне заслонить закон.

Он сделал паузу - ровно такую, какую делают, когда знают, что их слушают.

- Восьмого марта сего года в автомобильной катастрофе погибли супруги Венгер - Мария Карловна и Игорь Дмитриевич. На момент гибели у них не было детей. Они не могли зачать естественным путём и обратились в перинатальный центр «Геностарт», где прошли процедуру экстракорпорального оплодотворения. Полученный эмбрион был помещен не в тело матери - Мария Венгер по медицинским показаниям не могла вынашивать, - а в систему искусственного вынашивания. В народе её называют «искусственной утробой». Аппарат «Гестомат-3».

На общей панели возникло изображение: матовая капсула, оплетенная трубками, с прозрачным сегментом, за которым угадывался силуэт. Лидия Венгер чуть отвернулась.

Левин смотрел на капсулу, и зал на мгновение поплыл.

Полтора года назад Мария и Игорь Венгер сидели у него в кабинете - он вел их дела, и когда речь зашла о процедуре, именно он сопровождал их к нотариусу, оформлять то самое согласие, что теперь лежало в деле на листе под номером двенадцать. Он стоял рядом, когда нотариус зачитывала им текст и они ставили подписи. Он помнил, как Игорь, большой и неловкий, все держал жену за руку поверх стола, будто боялся, что ее унесет. Как Мария, бледная после третьего курса лечения, сказала тихо: «Доктор говорит, мое тело не выносит. Но клетки живые. Ребенок может быть. Просто... в другом месте». Помнил, как она запнулась на словах «в другом месте» - точно так же, как сейчас запнулся Сотников на слове «извлечен». Будто и мать, и чужой адвокат одинаково не находили имени тому, что закон не назвал.

В клинике «Геностарт» им показывали такую же капсулу - Мария потом описывала Левину, смеясь и плача одновременно: теплая, размером с большое кресло, с мягким голубоватым свечением внутри и тихим, ровным звуком, как сердце за стеной. «Я приложила ладонь, - говорила она, - а оно толкнулось мне в ответ. Через стекло. Понимаете? Через стекло - а как живое». Игорь тогда сказал, что будет приходить каждую неделю и читать капсуле вслух, чтобы ребёнок привыкал к голосу. Левин не знал, успел ли он. Восьмое марта, мокрое шоссе, встречающая фура на автопилоте, который потом признают исправным, - все это случилось на седьмом месяце. Капсула осталась читать сама себе.

- Артем Сергеевич? - голос Сотникова вернул его в зал. - Вы со мной?

- Я слушаю вас внимательнее, чем вы думаете, - ответил Левин.

- На момент гибели супругов плод находился в этом аппарате на седьмом месяце развития. Родители его не увидели. Спустя два месяца после их смерти аппарат завершил цикл, и ребенок... - Сотников чуть запнулся, подбирая слово, и Левин это отметил, - ...и ребенок был извлечён. Живым. Это единственный факт, который сторона ответчика не оспаривает: ребенок жив.

Он развёл руками.

- Но все остальное, уважаемый суд, рушится об один-единственный пункт закона. Пункт первый статьи сорок восемь Семейного кодекса Российской Федерации. Цитирую дословно: «Происхождение ребенка от матери, материнство, устанавливается на основании документов, подтверждающих рождение ребенка матерью в медицинской организации». Рождение. Ребенка. Матерью.

Слова повисли в идеальной тишине зала.

- Закон не знает иного материнства, кроме рождения. Мать - та, что родила. Это аксиома российского семейного права, на ней стоит вся глава десятая кодекса. Но Мария Венгер никого не рожала. Она умерла за два месяца до того, как аппарат «Гестомат» завершил цикл. Ребенка родила не женщина. Его родила машина. И вот здесь, - Сотников понизил голос, - закон молчит. А там, где закон молчит, суд не вправе додумывать за законодателя.

Он повернулся вполборота, словно обращаясь уже не к панели, а к пустому залу.

- Кто этот ребенок юридически? У него нет матери в смысле статьи сорок восемь - потому что никто его не рожал. Нет установленного происхождения. А раз нет происхождения от Марии Венгер - нет и родственной связи. А раз нет родственной связи - нет и права наследовать по закону, по статье тысяча сто сорок второй Гражданского кодекса, где наследниками первой очереди названы дети наследодателя. Он не «дитя наследодателя» в установленном законом смысле. Он, при всем моем сострадании к младенцу, юридически - никто. Продукт медицинской процедуры, не доведенной до конца ее заказчиками.

- Прошу занести в протокол, - тихо сказал Левин, - что представитель ответчика назвал шестинедельного ребенка «продуктом».

- Занесено, - откликнулась ФЕМИДА.

Сотников чуть поджал губы, но не сбился.

- Единственный законный наследник супругов Венгер - родная сестра Марии Карловны, моя доверительница Лидия Карловна Венгер. Наследник второй очереди, призываемый к наследованию при отсутствии наследников первой очереди. А первой очереди - нет. Ребенок не может ее занять, потому что закон не признает его рожденным. Наследственная масса - три объекта недвижимости и денежные средства на вкладах общей суммой свыше восьмидесяти миллионов рублей - должна перейти к ней. Это не жестокость. Это закон. У меня все.

Он сел. Лидия Венгер впервые за заседание позволила себе короткую, почти незаметную улыбку.

- Сторона истца, - произнесла панель. - Ваша позиция.

Левин не встал сразу. Он знал цену паузе не хуже Сотникова. Несколько секунд он смотрел на черную панель, потом заговорил - негромко, словно продолжал давно начатый разговор.

- Уважаемый суд. Мой коллега построил красивое здание. Я хочу показать, что оно стоит на фундаменте, которого нет.

Он коснулся своей панели, и в воздух поднялась статья 48.

- Коллега прочёл нам пункт первый статьи сорок восемь и сказал: закон знает только материнство через рождение. Но он остановился ровно там, где ему было удобно. Дочитаем фразу до конца. «...а в случае рождения ребенка вне медицинской организации - на основании медицинских документов, свидетельских показаний или на основании иных доказательств». Иных доказательств, уважаемый суд. Законодатель прямо допустил, что бывают случаи, которые не укладываются в стандартную процедуру, и для них оставил открытую дверь - иные

доказательства происхождения. Статья сорок восемь не гимн рождению. Это норма о доказывании. Она отвечает на вопрос «как доказать, от кого ребенок», а вовсе не «достоин ли ребенок называться человеком».

- Это расширительное толкование, - вставил Сотников. - Норма говорит о рождении вне медицинской организации, а не о рождении вне человека.

- Я еще не закончил, - мягко сказал Левин. - Уважаемый суд, я прошу зафиксировать сам прием моего оппонента. Он подменил вопрос. Перед судом стоят два разных вопроса, и он слил их в один, чтобы утопить ребенка. Вопрос первый: жив ли этот ребенок и существует ли он как человек, как лицо, как субъект права. Вопрос второй: можно ли установить, что он происходит именно от супругов Венгер. Коллега отвечает на второй вопрос отрицательно и делает вид, будто этим закрыл первый. Но первый вопрос закон решил без нас. Давным-давно.

Он сменил документ. Поднялась новая статья.

- Статья семнадцать Гражданского кодекса. Пункт второй. «Правоспособность гражданина возникает в момент его рождения и прекращается смертью». Ребенок рожден. Извлечен живым, задышал, закричал, получил свидетельство о рождении, выданное органом ЗАГС, - оно есть в материалах дела, том первый, лист сорок. С этого мгновения он - гражданин Российской Федерации, обладающий правоспособностью. Не «продукт процедуры». Не «никто». Гражданин. Способность наследовать - часть его правоспособности, и она у него возникла в ту секунду, когда он сделал первый вдох. Спорить с этим - значит спорить не со мной, а со статьей семнадцать.

- Способность наследовать вообще - да, - парировал Сотников, не дожидаясь слова. - Наследовать после этих конкретных людей - нет. Нет доказанного происхождения. Вы сами признали, что это разные вопросы.

- Признал. И перехожу ко второму. - Левин чуть улыбнулся. - Спасибо, коллега, что ведете меня за руку.

В зале как будто стало чуть светлее - или Левину показалось.

- Уважаемый суд, мой оппонент утверждает, что происхождение ребенка от Марии и Игоря Венгер невозможно установить, потому что Мария его не рожала. Но происхождение - это не про то, кто вытолкнул ребенка на свет. Происхождение - это про то, чья жизнь продолжается в этом ребенке. И здесь у нас не свидетельские показания, не «иные доказательства» в смысле соседки, видевшей роды. Здесь у нас нечто, чего не было в распоряжении судов двадцатого века.

Он поднял руку, и над столом развернулась генетическая карта - две спирали и третья между ними, подсвеченная совпадениями.

- Молекулярно-генетическая экспертиза, проведенная по определению суда. Том второй. Заключение однозначно: биологический материал истца на девяносто девять и девять десятых процента происходит от супругов Венгер. Это их сын. Не Лидии Карловны. Не центра «Гено-старт». Не аппарата «Гестомат», у которого, при всем уважении к инженерам, нет ни хромосом, ни наследства. Эмбрион был создан из половых клеток Марии и Игоря, при их жизни, по их письменному и нотариально удостоверенному согласию - оно тоже в деле, том первый, лист двенадцать. Я знаю это согласие лучше, чем кто-либо в этом зале: я вел дела этой семьи и сам сопровождал супругов к нотариусу, я стоял рядом, когда они его подписывали. Я сидел напротив этих людей за полтора года до сегодняшнего дня. Они не «заказывали продукт», как выразился мой коллега, — они шли через лечение, через отчаяние, через клиники, чтобы у них был сын. Они хотели этого ребенка так, как немногие хотят детей, зачатых попроще. Они оплатили его жизнь вперед. Они не дожили — но это уже вопрос не происхождения, а трагедии.

Левин сделал шаг от стола.

- И вот теперь, уважаемый суд, главное. Мой оппонент изобразил дело так, будто перед нами небывалый казус, дыра в законе, куда он предлагает аккуратно спустить ребенка вместе

с его наследством. Но дыры нет. Римское право знало эту ситуацию еще две тысячи лет назад, а мы переняли это у них. Она называется одним словом.

Он сделал паузу.

- Насцитурус. Зачатый, но ещё не рожденный. Статья тысяча сто шестнадцать Гражданского кодекса. Цитирую: «К наследованию могут призываться граждане, находящиеся в живых в момент открытия наследства, а также зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми после открытия наследства».

Генетическая карта погасла, и вместо нее в воздухе остались две строки текста, подсвеченные янтарным.

- Прочтем медленно, потому что здесь рушится все здание моего коллеги. Закон называет два условия для наследника, который еще не родился к моменту смерти наследодателя. Первое: «зачатые при жизни наследодателя». Второе: «родившиеся живыми после открытия наследства». И все. Ни единого слова - ни единого, уважаемый суд, - о том, что ребенок должен быть рожден матерью. Из ее тела. Естественным путем. Закон говорит «зачатые» и «родившиеся живыми». Он не говорит «рожденные женщиной».

Сотников поднялся:

- Норма о насцитурусе писалась для обычной беременности. Законодатель имел в виду вдову, носящую ребенка умершего мужа. Он физически не мог иметь в виду аппарат.

- Безусловно не мог, - кивнул Левин. - В тысяча девятьсот девяносто пятом году, когда писали третью часть кодекса, «Гестоматов» не существовало. Но, уважаемый суд, закон живет не намерениями давно ушедших депутатов, а собственными словами. Законодатель выбрал слово «зачатые», а не «выношенные». Выбрал «родившиеся живыми», а не «рожденные матерью». Если бы он хотел сказать «вышедшие из материнского тела» — он умел это писать, посмотрите на статью сорок восемь, там слово «рождение матерью» стоит прямым текстом. А в статье тысяча сто шестнадцать его нет. Это не случайность языка. Это и есть та самая открытая дверь, и захлопнуть ее перед шестинедельным гражданином может только тот, кто очень хочет получить его квартиры.

- Возражение, - резко сказал Сотников. — Переход на личность доверительницы.

- Снимаю формулировку, - спокойно ответил Левин. - Оставляю смысл.

- Сторонам предлагается воздержаться от взаимных характеристик, - произнесла ФЕМИДА. - Адвокат Сотников, у вас есть контрдовод по существу толкования статьи тысяча сто шестнадцать?

Сотников помолчал секунду дольше, чем хотел.

- Есть. Уважаемый суд, насцитурус - это ребенок, зачатый естественно и находящийся в утробе матери на момент смерти наследодателя. Связь «мать - плод» здесь телесная, непрерывная. В нашем случае этой связи нет: мать мертва, плод существует отдельно от любого человеческого тела, в аппарате. Нельзя называть насцитурусом то, что развивается в машине. Это юридическая натяжка.

- Принято к рассмотрению, - сказала панель. - Адвокат Левин, ответьте на довод о телесной связи.

Левин кивнул - он ждал этого.

- Уважаемый суд, мой оппонент только что добавил к закону слово, которого в нем нет. Он сказал: насцитурус должен находиться «в утробе матери». Откройте текст статьи тысяча сто шестнадцать. Там нет слова «утроба». Там нет слова «мать». Там есть «зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми». Мой оппонент дважды за одно заседание дописывает за законодателя недостающие ему слова - сначала в статью сорок восемь, теперь в статью тысяча сто шестнадцать. Я понимаю, зачем: без этих дописок его позиция рассыпается. Но суд применяет закон, который есть, а не тот, который был бы удобен ответчику.

Он повернулся к генетической карте, снова мерцавшей в воздухе.

- Был ли ребенок зачат при жизни наследодателей? Да. Экспертиза центра «Геностарт» с точностью до часа фиксирует момент оплодотворения - задолго до восьмого марта, до катастрофы. Зачат при их жизни - условие первое выполнено. Родился ли он живым после открытия наследства? Да. Извлечен живым через два месяца после их гибели, есть свидетельство о рождении - условие второе выполнено. Оба условия статьи тысяча сто шестнадцать соблюдены буквально, по тексту, без единого толкования в мою пользу. Это моему оппоненту приходится толковать и дописывать. Мне достаточно просто прочесть.

Левин выпрямился.

- А что до «телесной связи»... уважаемый суд, я двадцать два года хожу в эти залы и впервые слышу, чтобы право собственности ребенка ставили в зависимость от того, в каком сосуде он провел свои девять месяцев - в материнском или в стеклянном. Кровь Венгеров в его венах одна и та же в обоих случаях. Любовь, с которой Мария и Игорь шли в клинику, одна и та же. Их подпись под согласием на эту жизнь - одна и та же. Изменился только сосуд. Неужели стенка аппарата, толщиной в полтора сантиметра, отделяет человека от его наследства, от его родителей, от его имени? Если суд согласится с моим оппонентом, она создаст в стране новый сорт людей — рожденных не так, как надо. Полуграждан. Тех, у кого правоспособность есть, а родителей по закону — нет. И сделает это в тот самый год, когда таких детей в России родились уже сотни. Мой доверитель — один из первых. Не последний.

Он сел.

— У стороны истца все.

В зале стало очень тихо. Лидия Венгер больше не смотрела на черную панель как на банкомат. Она смотрела на нее как на дверь, за которой принимают решение без нее.

- Стороны исчерпали доводы? - спросила ФЕМИДА.

- Да, - сказал Левин.

- Да, - нехотя сказал Сотников.

- Суд удаляется для вынесения решения. Расчетное время - четыре минуты. Стороны вправе ожидать в зале.

Раньше судья уходил в совещательную комнату, и можно было хотя бы гадать по лицу, вышедшему обратно. Теперь лица не было. Была черная панель, по которой едва заметно бежали тонкие светлые линии - система разворачивала тысячи прецедентов, сверяла формулировки, выстраивала ту самую цепочку рассуждений, которую любая сторона могла потом потребовать раскрыть до последнего звена. Четыре минуты Левин просто дышал. Сотников проверял что-то в своем импланте. Лидия Венгер не двигалась.

Ровно через три минуты пятьдесят одну секунду линии на панели замерли.

- Решение вынесено, - сказала ФЕМИДА. - Прошу стороны выслушать резолютивную часть.

Левин положил ладонь на холодный планшет.

- По делу установлено следующее. Истец, Ребенок М., является живым гражданином Российской Федерации, обладающим правоспособностью с момента рождения в силу пункта второго статьи семнадцать Гражданского кодекса. Молекулярно-генетическая экспертиза достоверно подтверждает его происхождение от Венгер Марии Карловны и Венгера Игоря Дмитриевича. Зачатие произведено при их жизни, при наличии нотариально удостоверенного согласия обоих, что соответствует первому условию пункта первого статьи тысяча сто шестнадцать Гражданского кодекса. Рождение живым после открытия наследства подтверждается свидетельством о рождении и соответствует второму условию той же нормы.

Панель сделала свою фирменную паузу взвешенности.

- Довод ответчика о том, что отсутствие вынашивания человеческим организмом исключает применение статьи тысяча сто шестнадцать, судом отклонен. Норма устанавливает два условия - зачатие при жизни наследодателя и живорождение после открытия наследства и

не содержит требования о вынашивании плода телом матери либо о рождении ребенка матерью. Расширение нормы за счет условий, в ней не предусмотренных, недопустимо, поскольку противоречит принципу правовой определенности и не может применяться во вред правам ребенка. Толкование, предложенное стороной ответчика, привело бы к лишению правоспособного гражданина наследственных прав исключительно по признаку способа его внутриутробного развития, что является дискриминацией, запрещенной статьей девятнадцать Конституции Российской Федерации.

Левин закрыл глаза. Двадцать два года, а сердце все равно колотилось как на первом процессе.

- Суд решил. Установить происхождение несовершеннолетнего Ребенка М. от Венгер Марии Карловны и Венгера Игоря Дмитриевича. Признать за несовершеннолетним право собственности в порядке наследования по закону как за наследником первой очереди на все наследственное имущество, включая три объекта недвижимости и денежные средства на вкладах. В удовлетворении требований Венгер Лидии Карловны как наследника второй очереди отказать ввиду наличия наследника первой очереди. Решение может быть обжаловано в Апелляционную коллегию в течение тридцати дней. Заседание закрыто.

Светлые линии на панели погасли. Зал номер семь снова стал просто комнатой без окон.

Сотников собирал вещи молча. У двери он все же задержался рядом с Левиным.

- Мы подадим апелляцию. Там человек председательствует. Живой судья может решить иначе.

- Может, - согласился Левин. - Но знаете, в чем ирония, Глеб? Вы весь процесс пугали машину тем, что она бездушна. Что она не поймет живого ребенка. А она прочитала закон ровно так, как написано, и не отняла у мальчика ни рубля. Бездушная машина оказалась к нему человечнее, чем родная тетка с живой, как вы говорите, душой. Подавайте апелляцию. Посмотрим, чья возьмет.

Сотников ничего не ответил и вышел. Лидия Венгер прошла мимо, не взглянув на Левина, и в кольцах ее отразился ровный свет без теней.

Левин еще минуту сидел один в пустом зале. Потом сложил бумаги, которые так и не открыл, и достал планшет - позвонить в Дом ребенка номер четыре. Заведующая ответила сразу.

- Выиграли, - сказал Левин. - Он наследник. Все, что родители ему оставили, - его.

- Слава богу, - выдохнула женщина на том конце. - А ему имя надо. В свидетельстве пока «Ребенок М.». Совсем не дело.

Левин подумал о двух спиралях, подсвеченных третьей между ними. О подписях под согласием - двух подписей людей, которых уже нет на свете, оставивших после себя одну новую жизнь.

- Мирон, - сказал он неожиданно для себя. - Если опека не против. Мирон Игоревич Венгер. От слова «мир». Хорошее имя для того, с кого все началось.

Он убрал планшет и вышел из зала без окон. Город встретил его умытыми после ночного дождя улицами и косяком беспилотных такси у подъезда. Справочная система снова узнала его лицо и высветила в воздухе короткое: «Левин А. С., заседаний на сегодня нет». Город знал про него все - где он был, куда едет, сколько ему осталось дел до вечера.

И только про одного человека во всем этом всезнающем городе система пока молчала. В Доме ребенка номер четыре, в кроватке с подогревом, спал гражданин Российской Федерации, которого еще час назад закон не умел назвать, а теперь - с полным правом собственности на три квартиры и восемьдесят миллионов - звали Мирон. Первый из тех, кого выносила машина. Не последний.

Левин поднял воротник, шагнул под голографическую Фемиду с ее вечными весами и впервые за день улыбнулся. Весы, наконец, качнулись в верную сторону - и неважно, держала

их живая рука или строка кода. Главное, что ребенок остался ребенком, а не превратился в продукт. Остальное город как-нибудь запомнит сам.

Дело второе

Наследник самому себе

о человеке, что пережил собственную смерть

Артёму Левину было шестьдесят семь, и он отказывался омолаживаться.

Это давно стало его визитной карточкой - едва ли не более известной, чем выигранные дела. В мире, где люди после восьмидесяти выходили на утреннюю пробежку с лицом тридцатилетних, где седину носили только из эстетического каприза, а морщину можно было разгладить за обеденный перерыв, адвокат Левин ходил по судам настоящим стариком. С настоящими залысинами, настоящими мешками под глазами и настоящей привычкой щуриться, когда собеседник говорил глупость. Журналисты называли это «позой». Левин называл это лицом. «Я двадцать лет зарабатывал каждую эту морщину, — сказал он как-то в интервью. - С какой стати я отдам их косметологу?»

За семнадцать лет, прошедшие с дела о ребёнке из искусственной утробы - того самого Мирона Венгера, который теперь, говорят, поступил на юрфак, — Левин стал в профессии фигурой почти легендарной. Он брался за дела, от которых отказывались все: за безнадёжные, неудобные, такие, где закон ещё не придумали, а жить уже надо. Его называли «адвокатом невозможных клиентов». Он не возражал.

Сегодняшний клиент был, пожалуй, самым невозможным из всех. Хотя бы потому, что был мёртв.

Зал заседаний гражданского суда изменился даже сильнее, чем Левин. Чёрной панели, перед которой он спорил пятнадцать лет назад, больше не было - ФЕМИДУ третьего поколения признали морально устаревшей. Теперь судейское место занимала ФЕМИДА-7: не панель, а мягко светящаяся сфера под потолком, медленно вращавшаяся, как маленькая планета из жемчужного света. Она видела всех сразу, слышала интонации, считывала микромимику и - по слухам, которые разработчики не подтверждали и не опровергали, - понимала иронию. Старые адвокаты её за это недолюбливали. Молодые перед ней робели.

Стены зала по желанию сторон могли превращаться в экраны, столы выращивали из себя интерфейсы по жесту, а воздух над центром зала был отведён под так называемое «поле представления доказательств» - пустую кубическую зону, где разворачивались голограммы, документы и, как сегодня, свидетели.

Потому что сегодня свидетель должен был явиться из сети.

Зал был набит так, как Левин не видел давно. Дело Меньшова гремело в новостях третий месяц: первый в России мёртвый миллиардер, судящийся за собственное наследство, - такое пропустить было нельзя. Зрительские ряды заняли с ночи, в проходах стояли, у дверей дежурила охрана. А над головами собравшихся, под самым потолком, висело облако репортёрских камер - десятки крошечных, размером с шмеля, дронов-операторов новостных служб. Они почти не жужжали, висели неподвижно, как мошкара в луче, и лишь чуть поводили линзами, выбирая ракурс; каждая транслировала картинку в свою студию, и где-то там, снаружи, миллионы людей смотрели на этот зал глазами роя. Раньше в суд пускали тележурналистов с громоздкими камерами на плечах. Теперь камеру размером с пуговицу мог пронести кто угодно, и запрет на съёмку давно стал бессмысленным - суд лишь требовал, чтобы дроны не залетали в «поле представления доказательств» и не заслоняли участников. Левин относился к ним как к погоде: раздражают, но не отвертись.

Левин разложил перед собой бумаги. Да, всё ещё бумаги. Помощница давно махнула рукой.

Напротив, за столом истца, располагалась команда, которая стояла как небольшой город. Возглавлял её Дмитрий Карлович Корф – один из лучших адвокатов страны, человек с лицом, которое он, в отличие от Левина, обновлял регулярно, и потому выглядел ровно на сорок, хотя ему было под семьдесят. Они с Левиным знали друг друга тридцать лет. Уважали. И с удовольствием уничтожали друг друга в залах судов.

Рядом с Корфом сидела истица - Алиса Гордеева-Меньшова, тридцати лет, вдова. Четыре года назад — Мисс Россия. Два года назад - жена миллиардера Аркадия Меньшова, который был старше её на пятьдесят восемь лет. Два месяца назад - вдова. Она была красива той отполированной красотой, которую теперь умели делать в клиниках, но Левин, приглядевшись, понял, что ей и делать-то ничего не приходилось. Природа постаралась сама. Алиса сидела очень прямо и смотрела в поле представления доказательств с выражением человека, ожидающего неприятностей.

И не зря.

- Заседание открыто, - произнесла ФЕМИДА-7. Голос у неё был тёплый, чуть бархатистый, совершенно человеческий. - Слушается дело по иску Гордеевой-Меньшовой Алисы Викторовны о выделении супружеской доли и признании права на наследство Меньшова Аркадия Львовича. Ответчики по делу - Меньшов Лев Аркадьевич и Меньшова Вера Аркадьевна, дети наследодателя от первого брака, заявившие также встречные требования о составе наследственного имущества. Интересы наследодателя и его волеизъявление представляет адвокат Левин Артём Сергеевич, действующий в порядке, определённом судом для настоящего дела. Стороны, прошу подтвердить готовность.

- Готова, - сказала Алиса тихо.

- Готовы, за двоих ответил Корф.

- Готовы, - подтвердила адвокат детей.

- Готов, - сказал Левин.

- Перед началом, - продолжила сфера, - фиксирую процессуальную особенность настоящего дела, не имеющую прямых аналогов в практике. Сторона, представляемая адвокатом Левиным, заявляет ходатайство о допуске к участию в деле самого наследодателя, Меньшова Аркадия Львовича, в качестве лица, дающего объяснения. При том что Меньшов Аркадий Львович внесён в реестр умерших записью от четырнадцатого апреля сего года. Адвокат Левин, вы настаиваете на ходатайстве?

- Настаиваю, уважаемый суд.

- Сторона истца возражает?

Корф поднялся - неторопливо, красиво, как поднимаются люди, уверенные, что зал принадлежит им.

- Уважаемый суд, мы не просто возражаем. Мы полагаем само это ходатайство лучшим доказательством абсурдности позиции нашего уважаемого оппонента. Нельзя «дать объяснения» от лица покойника. Можно прослушать в суде запись его голоса, посмотреть видеообращение, что угодно. Но мой коллега предлагает суду беседовать с мертвецом так, будто тот вышел покурить. Это не процессуальное действие. Это спиритический сеанс.

В зале кто-то хмыкнул. ФЕМИДА выждала ровно секунду.

- Возражение принято к сведению. Однако суд отмечает, что вопрос о том, является ли источник, который сторона Левина намерена представить, «записью» либо «лицом», составляет существо настоящего спора и не может быть разрешён до его рассмотрения. Поэтому суд допускает участие источника в режиме дачи объяснений, с оговоркой, что его процессуальный статус будет определён решением. Адвокат Корф, вы сохраняете право оспорить каждое объяснение. Приступим. Сторона истца, изложите требования.

Корф склонил голову - мол, принято, посмотрим, кто будет смеяться последним.

- Уважаемый суд. Дело наше печально, но просто. Аркадий Львович Меньшов - человек, которого знала вся страна. Промышленник, меценат, личность яркая и, чего скрывать, тяжёлая. Сорок лет он строил империю: металлургия, орбитальная логистика, биотех. К восьмидесяти семи годам он подошёл одним из богатейших людей России - и, что важно для нашего дела, подошёл к ним стариком в самом буквальном смысле. В мире, где любой клерк к сорока заказывает себе лицо двадцатилетнего, миллиардер Меньшов выглядел на все свои годы: морщины, пигментные пятна, лысина. И это, уважаемый суд, не каприз и не поза, как у нашего уважаемого оппонента. Это злая ирония судьбы. Дело в том, что Аркадию Львовичу омоложение было противопоказано.

Корф выдержал паузу, давая залу осознать парадокс.

- Да, именно так. Клеточное омоложение, поставившее старость на колени, подходит не всем. У небольшого процента людей - доли процента — регенеративная терапия запускает не обновление, а перерождение тканей: попросту говоря, рак, агрессивный и быстрый. Это называется регенеративной несовместимостью, и Аркадий Львович был одним из таких несчастливцев. Установлено это было пятнадцать лет назад, после первой же пробной процедуры, едва не стоившей ему жизни. Вдумайтесь в положение этого человека. Он мог купить остров, корпорацию, целую отрасль. И единственное, чего он не мог купить ни за какие деньги, - собственную молодость, ту самую, что любая секретарша получает в обеденный перерыв. Для гордого, привыкшего получать всё человека это стало незаживающей раной и, не побоюсь слова, манией. Он ненавидел зеркала. Он ненавидел своих помолодевших ровесников. Тело же его, к слову, благодаря лучшей в стране поддерживающей медицине оставалось крепким: он плавал по утрам в открытом море, работал по двенадцать часов и изводил подчинённых с неубывающей энергией. Старое лицо на молодом моторе - вот что такое был Аркадий Меньшов.

Корф чуть понизил голос.

- А вот чего он не сделал - так это завещания. И тут, увы, сказалась другая его черта: суеверность. Аркадий Львович был патологически суеверен и верил, что написать завещание - значит самому назначить себе дату. Сколько ни уговаривали его юристы, он гнал их прочь: «Кто пишет завещание, тот сам зовёт смерть в гости». Не смерть пришла и без бумаги. А состояние, которое мы сегодня делим, оценивается в сумму с одиннадцатью нулями.

Поле представления доказательств послушно развернуло диаграмму активов - башни цифр, от которых у Алисы чуть дрогнули ресницы.

- Два года назад Аркадий Львович женился на моей доверительнице. Брак, что бы ни писали в сети, был настоящим: они жили вместе, вели общее хозяйство, путешествовали. Четырнадцатого апреля Аркадий Львович, отдыхая на своей яхте в Эгейском море, спустился искупаться в одиночестве - он любил плавать один, на рассвете - и не вернулся. Сердечный приступ в воде. Тело нашли через сорок минут. Реанимация результата не дала. Смерть зафиксирована судовым врачом и подтверждена греческими, а затем российскими властями. Свидетельство о смерти - в материалах дела.

Корф сделал скорбную паузу, ровно отмеренную.

- Аркадий Львович не оставил завещания. И вот здесь, уважаемый суд, начинается то, ради чего мы собрались. При отсутствии завещания наследование происходит по закону. Наследники первой очереди - супруга и дети. Их трое: моя доверительница и двое взрослых детей от первого брака. Но прежде чем делить наследство, закон велит выделить супружескую долю. Статья тысяча сто пятьдесят Гражданского кодекса, статья тридцать четыре Семейного кодекса. Всё имущество, нажитое в браке, - совместная собственность супругов. Половина принадлежит вдове не как наследнице, а как совладелице. И лишь вторая половина образует наследственную массу, которая делится на троих.

Он развёл руками - широко, щедро.

- Мы пришли не отнимать. Мы пришли получить причитающееся по закону. Половина - супружеская доля. Плюс треть от оставшейся половины — наследственная доля. Итого моя доверительница вправе получить две трети состояния. Это не жадность вдовы, как наверняка попытается представить мой уважаемый оппонент. Это арифметика, написанная законодателем задолго до нас. У меня всё.

- Благодарю, - сказала ФЕМИДА. - Сторона ответчиков, ваша позиция.

Поднялась адвокат детей - сухая, деловитая женщина по фамилии Швец.

- Уважаемый суд, дети Аркадия Львовича не оспаривают права вдовы на супружескую долю как таковую - спорить с Гражданским кодексом бессмысленно. Но мы заявляем встречное требование о проверке состава совместно нажитого имущества. Значительная часть активов создана Аркадием Львовичем за десятилетия до второго брака. Эти активы - его личная собственность, в супружескую долю не входят и подлежат разделу между всеми тремя наследниками поровну. Проще говоря: вдова хочет посчитать своей половиной и то, что было нажито за полвека до её появления. Мы против. Вот, по сути, и всё наше расхождение с истицей. С позицией же адвоката Левина, — она чуть поморщилась, - мы, как и истица, не знаем, что делать. Покойный есть покойный.

- Учтено, - сказала сфера. - Прежде чем суд предоставит слово адвокату Левину, суд отмечает присутствие самих ответчиков и предлагает им, при желании, кратко высказаться лично.

Дети Меньшова от первого брака составляли странную пару. Лев Аркадьевич, пятидесяти двух лет, выглядел старше Алисы лишь самую малость - омолаживался агрессивно, носил спортивный пиджак на голое тело и часы, стоившие как квартира. Вера Аркадьевна, сорока восьми, наоборот, словно нарочно подчёркивала возраст: строгий костюм, очки, которые давно никому не были нужны медицински и потому стали украшением людей, желающих выглядеть умными. Они не смотрели друг на друга. По слухам, они не разговаривали лет десять.

- Я скажу, - Лев встал, поддёрнув пиджак. - Уважаемый суд, я отца, честно говоря, терпеть не мог. Он меня в грош не ставил, называл «дорогой безделушкой». Дмитрий Карлович вон трогательно рассказал, как папа страдал, что не может помолодеть. А я вам скажу: он и стариком всех нас пережёвывал и выплёвывал, так что не надо про несчастного дедушку. Завещания не оставил - Дмитрий Карлович говорит, суеверие. Может, и суеверие. А может, просто назло - чтоб мы все после него передрались. С него бы случилось. И вот, пожалуйста, дерёмся. - Он развёл руками. - Но даже я не додумался бы притащить его призрак в суд. Это, простите, перебор. Он и живой-то всех изводил, а теперь его ещё и из розетки не выключить.

- Лёва, сядь, - не оборачиваясь, сказала Вера.

- А ты мне не указывай, ты мне десять лет не указывала и не начинай.

- Я скажу иначе, уважаемый суд. - Вера поднялась, и Лев, побурчав, сел. - Мой брат прав в одном: отец был тяжёлым человеком. Но он был. Его уже нет. Я простилась с ним на похоронах, бросила горсть земли и плакала - впервые за двадцать лет. А теперь мне сообщают, что он в сети и намерен распоряжаться заводами через голову собственных детей. Я не знаю, что хуже: потерять отца или узнать, что он не считает нужным даже умереть по-человечески, не спросив нас.

Она села, поджав губы. В пустом кубе поля представления доказательств что-то едва заметно дрогнуло - будто там, в глубине, кто-то слушал и сдерживался. Но пока молчал.

- Стороны высказались, - подытожила ФЕМИДА. - Адвокат Левин. Суд слушает вас. И, признаюсь, слушает с интересом.

Левин встал. Колени щёлкнули - он не стал их чинить, как не чинил всё остальное.

- Уважаемый суд. Мои коллеги построили красивое здание на одном-единственном фундаменте. На том, что Аркадий Меньшов мёртв. Уберите этот камень - и всё здание сложится. А я намерен показать суду, что камень с трещиной.

Он коснулся стола, и в поле представления доказательств возникла запись - медицинский протокол.

- Никто не спорит, что тело Аркадия Меньшова погибло. Сердце остановилось, кровь не вернулась к мозгу, биологический организм прекратил существование. Это факт, и я его не оспариваю. Я оспариваю вывод, который мои коллеги делают из этого факта. Они говорят: тело умерло, значит, человек умер, значит, открылось наследство. Я утверждаю, что между первым и вторым звеном этой цепи - пропасть, которой еще год назад не было, а сегодня есть.

Он сменил запись. Появилось изображение - маленький, с ноготь, серебристый предмет, похожий на семечко с тончайшими нитями.

- За два месяца до гибели Аркадий Меньшов одним из первых в России прошёл процедуру нейроинтеграции. В его мозг был имплантирован вот этот модуль — «Мнемозина». Технология, о которой все слышали и которой пока мало кто может воспользоваться. Модуль в течение нескольких недель копирует личность и сознание носителя: память, привычки, способ мышления, манеру речи, - всё, что мы привыкли называть словом «я». А в случае гибели тела модуль переносит это «я» в защищённое сетевое хранилище, где оно продолжает функционировать. Думать. Помнить. Принимать решения.

Левин обвёл взглядом зал.

- И чтобы суд понимал, зачем человек идёт на вживление чужеродного предмета в собственный мозг, надо сказать о второй половине этой технологии. Сама по себе «Мнемозина» - лишь хранилище. Дом, в котором сознание ждёт. Ждёт чего? Нового тела. Параллельно с нейроинтеграцией уже не первый год ведётся разработка направленного клонирования - выращивания биологического тела-носителя из клеток самого человека. Не ребёнка, прошу заметить, а взрослого, готового тела, в которое, по замыслу разработчиков, и предстоит однажды загрузить сохранённое сознание из сети. Человек умирает в старом теле - и просыпается в молодом, выращенном специально для него. Вторая жизнь в полном смысле слова.

- Технология эта, - продолжал Левин, - пока не доведена до конца. Тело вырастить научились, а вот перенос сознания в живой мозг, не повредив ни сознание, ни мозг, - ещё нет. Когда научатся - не знает никто. Оптимисты говорят: год-два. Осторожные: десять, а то и больше. Может статься, что и завтра, а может - что не при нашей жизни. Но сама дорога уже проложена, и тысячи людей сделали ставку на то, что доедут по ней до конца. Аркадий Меньшов был из них. И для него, уважаемый суд, это была не блажь скупающего богача. Это был единственный путь. Вспомните, что сказал мой коллега: Меньшову омоложение было заказано навсегда, его собственное тело отказалось становиться моложе под страхом смерти. Так вот клон - это тело, выращенное заново, с чистого листа, без той роковой несовместимости. То, в чём отказала ему родная биология, обещала вернуть биология новая. Аркадий Львович, которому медицина закрыла дверь молодости, нашёл окно. Он лёг под скальпель ради одной-единственной цели: дождаться в сети, пока доделают клонов, и вернуться в мир молодым. Он не готовился умирать. Он готовился переждать.

- И заметьте, - Левин сделал шаг вперёд, - в этом замысле нет ничего общего с тем суеверием, о котором рассказал мой коллега. Завещания Меньшов не писал, потому что боялся накликасть смерть, - это правда. Но имплант он поставил не вопреки этому страху, а в полном согласии с ним. Подумайте сами: человек, панически не желавший умирать, не стал бы готовить раздел имущества - но с радостью ухватился бы за технологию, обещавшую не умирать вовсе. Завещание для него было признанием конца. А «Мнемозина» - отрицанием конца. Одно он отверг, другое принял - по одной и той же причине. И, как мы сейчас увидим, он своего добился: конец не наступил.

Корф поднялся:

- Уважаемый суд, мой коллега описывает рекламный буклет. Технически это резервная копия. Архив. Я тоже храню свои фотографии в облаке, но не считаю облако собой.

- Прекрасное сравнение, - отозвался Левин, - я к нему ещё вернусь, коллега, и оно сыграет против вас. Но сначала - закон. Поле, статью шестьдесят шесть.

В воздухе развернулся текст федерального закона.

- «Об основах охраны здоровья граждан». Статья шестьдесят шесть, пункт второй. Единственная норма во всём российском праве, которая отвечает на вопрос, когда человек считается умершим. Цитирую дословно: «Моментом смерти человека является момент смерти его мозга или его биологическая смерть, то есть необратимая гибель человека». Прошу суд вдуматься в эти слова. Закон называет смертью не остановку сердца. Не прекращение дыхания. Закон называет смертью два состояния: смерть мозга - или необратимую гибель. Необратимую, уважаемый суд. То есть такую, после которой возврата нет.

Он сделал паузу.

- А теперь вопрос на одиннадцать нулей. Можно ли назвать необратимой гибель человека, чьё сознание в эту самую секунду находится в зале суда, слышит меня и, зная Аркадия Львовича, наверняка уже рвётся вставить язвительное замечание?

- Рвусь, - сказал воздух.

Зал ахнул - разом, в один вздох. Кто-то привстал, по рядам прокатился гул, и десятки крошечных репортёрских камер, до того смирно висевших в воздухе, разом качнулись к центру зала, ловя момент, ради которого все сюда и набились: мёртвый миллиардер заговорил.

Голос пришёл из поля представления доказательств - скрипучий, желчный, с одышкой курильщика, которой у сетевого сознания быть не могло, но которую оно заботливо сохранило. В кубе света соткалась фигура: сгорбленный дряхлый старик в халате, с пигментными пятнами на лысине, с злыми умными глазами, утопленными в складках век. Он сидел в кресле, которого не существовало, и постукивал по подлокотнику пальцами, которых тоже не существовало.

- Аркадий Меньшов, - представился старик и оглядел зал. - Бывший, как мне тут сообщили, человек. Корф, ты постарел. Лицо новое, а глаза те же - жадные. Алиса, девочка. - Голос на секунду изменился. - Не ёрзай, тебе не идёт. Лёва, «из розетки не выключить» - это ты хорошо сказал, узнаю сына, всегда умел подобрать тёплое слово отцу. А ты, Вера, - голос смягчился, - здравствуй, дочь. Я слышал каждое твоё слово. И про горсть земли тоже.

Вера, не ожидавшая, что мёртвый отец ей ответит, осеклась и отвернулась, но Левин заметил, как у неё дрогнули плечи.

Алиса побледнела под слоем безупречной кожи.

- Уважаемый суд! - Корф почти кричал. - Я заявляю категорический протест! Это представление, спектакль, дипфейк, управляемый стороной Левина! Нельзя допустить, чтобы программа, имитирующая голос покойного, влияла на исход дела о наследстве! Завтра он приведёт сюда говорящую куклу и скажет, что это его клиент!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.